

ДОКЛАД

13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете¹

Ю. М. Лотман

После доклада Вадима Львовича [Деглина] мне в значительной мере легче говорить, поскольку многое из того, что есть общее, сказано, а в конце прямо переброшены некоторые мосты, по которым я попытаюсь идти. Я хочу сказать, что оценка самой проблемы мне сейчас представляется недискуссионной. Сошлюсь хотя бы на недавно появившуюся работу Романа Осиповича Якобсона «Мозг и язык», где дана заслуженно высокая оценка работам и Льва Яковлевича [Балонова], и Вадима Львовича, и других коллег этой группы и указаны и какие-то направления, и то, что для семиотики может быть из этого перспективно извлечено.

Исследования по асимметрии семиотических систем интересным образом совпали с в достаточной мере автономными и в силу нашего, по крайней мере моего, невежества мне долгое время совершенно неизвестными, проводившимися отдельно наблюдениями над культурой, которые привели к тем разным мнениям, кои уже как-то обсуждались у нас на 4-й школе, когда встал вопрос о том, чем же объясняется очень высокая избыточность семиотических систем. Почему в работающих семиотических системах мы имеем не один канал связи, чего по классическим, общепринятым и традиционным семиотическим моделям, в общем, казалось, было достаточно? Почему, как на 4-й школе в тезисах было зафиксировано, такой элементарной моделью культуры может считаться система с минимум двумя альтернативными каналами? Этот вопрос, по сути дела, остался без ответа.

Это было наблюдение над реальным фактом, и с этим же связывался ряд других «почему», которые в традиционных классических работах, идущих от Соссюра, оставались без ответа. По сути дела, оставался без ответа вопрос о том, почему в системе социальных коммуникаций мы наблюдаем разнообразие индивидуальностей. Казалось бы, что разнообразие индивидуальностей может быть приписано только тому, что мы имеем дело, скажем, с разнообразием моделей, выполненных по одному чертежу машины с технической невозможностью дать совершенно одинаковые образцы. Таким образом, предметом внимания оказывался, так сказать, чертеж — то, что одинаково, а то, что относится к области разнобоя, к области сверхсистемной, в общем оказывалось за пределами теории. Теория рассматривала системы... Между прочим, о том, что психологически семиотика стала на путь преодоления этого, очень ясно сказал на 2-й школе все тот же Роман Осипович Якобсон.

¹ Таллинский университет. Эстонский фонд семиотического наследия. F 1 (Ю. Лотман).

Позволю себе напомнить его слова по памяти. Он сказал: мне структурами больше заниматься неинтересно — меня интересуют тексты, и вообще интересно пересмотреть Соссюра с точки зрения текстов. Этот психологический поворот был для нас общим, поскольку все, что можно получить из изучения структур как таковых, в области семиотики, довольно легко снялось, дало бесспорные результаты. Но остался вопрос, во-первых, почему так много текстов, почему такое изобилие и такая избыточность сообщений циркулирует и, в конце концов, почему мы все разные. Является ли это только издержкой природы как недостаточно хорошего инженера, или же это есть некоторая выгода, некоторое условие семиотической жизни коллектива? Предполагалось (*рисунок на доске*) в некоторых исходных наших представлениях, что целью передачи некоторого сообщения является такая неискаженная, неизменная и полностью тождественная передача от передающего к принимающему текста, и таким образом канал если что-нибудь меняет, то только портит — всякое изменение в канале есть шум, и, таким образом, в идеальной модели мы им пренебрегаем. Вот из этого, казалось бы, бесспорного положения, на котором строятся основы коммуникативных идей, легко прийти к таким антиномиям, по сути дела, к абсурду. Поскольку если текст передается полностью и без каких-либо изменений, то мы заранее предполагаем, что кодирующее устройство передающего и кодирующее устройство принимающего полностью идентичны. Что значит, что кодирующее устройство передающего и кодирующее устройство принимающего полностью идентичны? Это значит, что они в семиотическом смысле представляют одну личность и что тогда эта производимая циркуляция в идеальном случае абсолютно не нужна. Это то же самое, что перекладывать из левого кармана в правый. От этого никакая сумма не увеличивается. То есть, по сути дела, мы приходим к некоему противоречию: с одной стороны, мы реально сталкиваемся с непрерывным процессом коммуникаций, и мы должны предположить, что он в принципе дефектен, ибо в реальной жизни мы не сталкиваемся с тем, чтобы текст от передающего к принимающему прибыл без сдвигов. Более того, мы приходим к такому выводу, что чем сложнее культурные коды, тем дефектнее система. По сути дела, вопрос встает вот о чем: что есть идеал коммуникативный — скажем, уличная сигнализация или стихотворение Пушкина? Поскольку стихотворение Пушкина заведомо не может быть передано адекватным образом. Является ли это некоторым образом коммуникативным дефектом и должно быть каким-то искусственным образом приведено к однозначности, или же это есть наиболее сложный и наиболее выгодно работающий механизм? То есть мы встаем перед целым рядом противоречий, но которые приводят нас к тому, что идентичность передающего и принимающего есть только крайне условный случай, или же, вернее всего, идеальная модель, удобная только в определенных научных абстракциях, а в реальных социальных коммуникациях мы имеем дело с заведомым различием. И более того, мы можем сказать, что вся система культурного — и даже, до этого, биологического — развития работает не на стирание различий, а на их увеличение. Что легко можно по-

казать, имея в виду, что чем сложнее социальная структура, тем сложнее индивидуальный набор, сочетания кодирующих устройств. Таким образом, мы подходим к некоторому противоречию, которое очень естественно приводит нас к тому, что передача некоторого сообщения есть идеальный или, я бы сказал, полярный случай. Как тенденция он присутствует всегда — в чистом виде, видимо, почти не встречается. Но как тенденция он имеет противотенденцию, состоящую в том, что этот механизм рассматривается не как пассивный передатчик, а как устройство, генерирующее новое сообщение, как устройство, внутри которого сообщение сдвигается и приобретает новые информационные свойства. И тогда у нас передающий и принимающий составляют два полюса единого работающего механизма, и работают они не только тем, что они одинаковы в определенном отношении, то есть один механизм, и в этом смысле возможно некое взаимопонимание, но и тем, что они различны в другом отношении и представляют разные механизмы. И их различие точно так же работает, как и их сходство. По сути дела, ни то, ни другое в чистом виде не дано, а дана гамма колебаний между передачей сообщения, таким чисто коммуникативным актом, и творческим сознанием выработки нового сообщения. Вот между этими двумя тенденциями колеблются все виды возможных коммуникативных актов, и тогда мы подходим к тому, что элементарной ячейкой для творческого сознания является минимальная биполярная система, которая отличается таким единством взаимоисключающих качеств. В определенном смысле они составляют один механизм, и, что очень важно, они не только составляют один механизм; поскольку это сознание, то немедленно возникает вопрос о самосознании — вот какой-то из этих механизмов берет на себя функцию представительства механизма в целом и осознает сам себя как единое. Вот когда мы, например, говорим: «Некоторый естественный язык», то в дальнейшем легко будет показать, что это гетерогенная система, представляющая собой смесь нескольких систем; но очень важно, что при этом он сам себя сознает как один язык и что вот эта сложная система сама себя сознает как одну, что обеспечивает ей внутреннюю циркуляцию. Кстати, о роли самосознания и о том, как это играет на разных полушариях, мне пришлось по ходу Вашего доклада². Хороший пример по поводу сдвига голоса, помните в «Театральном романе» у Булгакова — «...низким звучным голосом сказал я. — Ну и голос же у вас был, — сказал Бомбардов, — тонкий, пискливый, злой»³. Совершенно естественно, что он реально работал при этом одним полушарием, одной доминирующей системой, а сознавал себя — другой. Таким образом, эта система определена как единая и вместе с тем она не только включает в себя разные семиотические образования, но и включает в себя развивающуюся языковую неперево-

² Насколько я помню, Ю. М. Лотман выступал вторым, первым был совместный доклад Л. Я. Балонина и В. Л. Деглина.

³ Ю. М. Лотман приводит цитату по памяти. У Михаила Булгакова: «Но я еще более звучным и сильным голосом (впоследствии Бомбардов, со слов присутствующих, изображал меня, говоря: “Ну и голос, говорят, у вас был!” — “А что?” — “Хриплый, злобный, тонкий...”») отказался и от пирожных».

димось. То есть до какого-то порога разница и трудность перевода являются источником творческого сдвига сообщений — то, что у нас происходит, не простая автоматическая трансформация текста по некоторым однозначным алгоритмам, а непредсказуемая трансформация в новое сообщение.

Вот такого рода элементарная ячейка, будет ли она называться какой-то текст, или же отдельная человеческая личность, или какая-то семиотическая структура большего плана, приводит к разного рода последствиям. Во-первых, меняется наше представление о тексте. По классической соссюррианской дихотомии... я, упаси господи, не хочу, конечно, ни в какой степени бросить тень на классические работы Фердинанда де Соссюра, на которых мы все стоим и которые, как говорил Пушкин — не следует кусать грудь кормилицы из-за того, что зубки выросли... Но вместе с тем, конечно, приходит время существенные вещи пересмотреть. В частности — отношение текста и языка. Текст представляется в этой классической схеме как некая материализация системы. И то, что в нем значимо, мыслилось как наличное в языке. Текст был, таким образом, некоторая упаковка, некоторый ящик, который доносил системные значения (*рисунок*). Здесь ящик открывался, извлекалось сообщение, а тара выбрасывалась. И, таким образом, текст был пассивным носителем некоторого вне текста имеющегося структурного содержания. Это естественно вытекает из представления, что текст есть текст на одном языке и что текст есть материальное выражение языка — зафиксированное выражение языка, ограниченное в пространстве и времени сообщение, выраженное в каких-то единицах. Но, вероятно, такого текста, если подумать, никому видеть не удавалось, а видим мы другие тексты. Мы видим тексты, которые представляют собой материальные выражения, образования гетерогенные, дешифруемые как минимум на двух языках. Большинство наших текстов дешифруется в системе зрительной, словесной и... тут нет необходимости прибегать к кинематографу, но любой, даже словесный просто текст, самый элементарный, уже поэтому двуязычен и представляет собою (*рисунок*) некоторый двойной биполярный генератор. Самый такой простой пример — метафора. И при этом между разными его полюсами нет отношения полной переводимости; они взаимно напрягаются, и в этом смысле можно сказать, что не языки создают тексты, а тексты создают языки. Сначала даются некоторые тексты, которые, как полагал Тит Лукреций Кар, плавают в пространстве, как ноги, руки, головы, которые потом слепляются. В общем, конечно, вопрос, что раньше, что позже, — в общем праздный вопрос, его и ставить не следует. Но если сформулировать так, что текст, видимо, всегда богаче, чем язык, и именно на уровне текста наблюдается (*рисунок*) элементарный процесс генерации. Текст в некотором смысле знает больше, чем тот, кто его создал. Потому что он обладает способностью многократной интерпретации. Я имею в виду сейчас художественные тексты. Но я полагаю, что, может быть, такое крайнее сознательное, максималистское высказывание можно сделать потому, что думал, что не художественные тексты являются экстремальными выражениями каких-то нормальных не-

художественных текстов, а думаю, что нехудожественные тексты — это частный случай художественных текстов. Что генерирующая активная смыслопорождающая функция общения текста выражается наиболее полно в художественных текстах, но присуща всем текстам вообще. Точно так же, как функция пассивной передачи есть и в художественных текстах, но экстремально проявляется, наверно, в уличной сигнализации. Кроме того, несколько иначе представляется для нас система. Она приобретает вид не соположенной суммы отдельных, относительно автономных семиотических систем, типа разных искусств, разных культурных образований, а скорее строится; вот (*рисунок*), по принципу матрешки. Представляя нечто целое и будучи на каком-то уровне делима на полярные образования, сохраняет этот принцип, и как только стоит нам по какому-нибудь принципу поделить... например, по принципу проза — поэзия, как мгновенно по этому же принципу поделится каждая система и так далее. И это будет уходить, как в геральдических системах есть такое выражение [mise en abyme] фр. «[помещение] в бездну» (*рисунок*). Представляете, вот такой герб, тут, скажем, лилии, здесь рука с мечом, это башня, а тут этот герб, лилии, рука с мечом, башня, тут этот герб, лилии, рука с мечом и башня и так далее — здесь такая дырка, которая, по сути дела, представляет собой заданный принцип, который работает уже самовоспроизводя себя⁴. И это мы наблюдаем в ряде экстремальных культурных случаев, когда, скажем, например, функция слова быть словом может приписываться, с одной стороны, всем текстам⁵ и даже Вселенной, а с другой стороны, может приписываться не только фонеме, но и дифференциальному признаку фонемы. И, вероятно... как только мы научимся различать по смыслу что-то более глубокое, то эта функция может поехать туда. Это, между прочим, делает для меня очень близкой идею, заявленную в начале, о том, что, по сути дела, речь идет не о таком жестком разграничении левополушарного и правополушарного мышления, а о том, что мышление совершается там и там и что это, по сути дела, принципы, которые мы в каком-то приближении называем так, а очень может быть, что они ока-

⁴ Я помню этот рисунок: Ю. М. Лотман нарисовал щит, разделенный на четыре квадранта, в четвертом (который Лотман называет «дырой») воспроизводился в уменьшенном виде тот же щит, в четвертом квадранте этого уменьшенного щита помещалась еще более уменьшенная копия предыдущего и т. д. — фактически Лотман говорит о фрактальной самоорганизации семиотических систем, предсказав тогда еще совершенно неизвестное вне узких сфер математики явление — напомним, что давшее ему имя исследование Бенуа Мандельброта «Фрактальная геометрия природы» вышло в свет в 1977 году. Ср. с последующей формулировкой этой идеи: «Поскольку все уровни семиосферы — от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических единств — представляют как бы вложенные друг в друга семиосферы, каждая из них является одновременно и участником диалога (частью семиосферы), и пространством диалога (целым семиосферы)» (Лотман, 1984, с. 22).

⁵ В машинописи, видимо, неисправленная опечатка; напечатано: «текстом», однако возможно и иное прочтение: функция слова быть словом приписывается именно текстам.

жуются еще способными при более тонких вещах, скажем, внутри каждого полушария... Но тут я не смею вторгаться в область, в которой решительно ничего не понимаю.

А по крайней мере в области культурной, видимо, это так. Задан некоторый принцип различия, задана тенденция к возрастанию этих различий, к увеличению взаимной неперевоодимости и к стиранию этих различий, к работе на предельную проводимость⁶, и оба эти механизма, работая в разных направлениях, дают все разнообразие как разных видов искусств, так и разных типов самоориентации, от ориентации разных культур и личностей, ну, грубо говоря, скажем, на левополушарное и правополушарное сознание. В связи с этим возникает очень существенный вопрос — вопрос о контактах между этими типами текстов, сознаний, культур или разных вещей. Контакт, который мыслился всегда как нечто автоматическое.

Даны две личности (*рисунок*)⁷, дан язык, и предполагается, что контакт после этого как бы и задан. Позвольте провести параллель. В своей кандидатской диссертации Елена Владимировна Душечкина очень интересно показала, как в средневековой литературе не ставится вопрос о том, что слово не может быть услышано; если кто-то сказал, то обязательно все услышали⁸. Если где-то сказано, то все знают. Предполагается, что сам контакт дается почти автоматически или же совсем автоматически. Видимо, в свете тех фактов, идей и разного рода многообразных научных приближений, которые, по сути дела, идут с разных сторон, с очень разных научных импульсов, но в общем сходятся к одному, скорее [можно] себе представлять контакт как нечто очень драматическое, как говорил Тютчев, «как поединок роковой», как нечто очень драматическое и никогда полностью не удовлетворительное. Потому что сам механизм работает в своей определенной тенденции, и плодотворной тенденции, одной из двух противоположных плодотворных тенденций, на затруднение контактов. В связи с этим для коммуникаций между двумя этими системами более уместно понятие диалога; опять-таки должен сказать, что понятие диалога тоже в достаточной мере возникает в разных тенденциях и с очень разных сторон. Напомню, еще в начале 20-х годов, даже еще раньше, работы философа Бубе-

⁶ Так в машинописи. Возможно, это опечатка, поскольку речь скорее идет о «переводимости», однако *проводимость* как вводимая новая характеристика текста также может быть осмыслена. Ситуация напоминает многократно используемую Ю. М. Лотманом идею о внесистемных элементах текста (шуме, деформациях, ошибках, опечатках) как механизмах формирования новых смыслов.

⁷ Насколько я помню, была нарисована расхожая схема коммуникации из учебников языкознания: две головы, обменивающиеся облачками.

⁸ Имеется в виду выполненная на кафедре русской литературы Тартуского университета под руководством академика Д. С. Лихачева кандидатская диссертация Е. В. Душечкиной «Художественная функция чужой речи в Киевском летописании». Диссертация была защищена в 1972 году, писалась в 1966–1969 годах — как видим, эта идея заинтересовала Ю. М. Лотмана задолго до его интереса к механизмам работы мозга.

ра и... [«Я и Ты»]⁹. Сейчас это в значительной мере производит впечатление философской публицистики. Но когда мы говорим о пионерской роли работ Бахтина, то это, по сути дела, международный такой контекст очень напряженной мысли, поисков «Ты». При том что представление о диалоге мыслится как... причем очень интересно опять-таки, что в определенные культурные моменты выдвигается модель монолога как общения, а соответственно, строится и облик культуры, и тип личности, и все прочее; а в другие — выдвигается модель диалога. Так вот, не говоря о разных приближениях к этому и разных вопросах, я хотел бы вот на что обратить внимание: на то, что диалог — в таком смысле, в каком это диалог, — это почти всегда разговор на разных языках. Но при этом это разговор на разных языках, как ни странно, с презумпцией заинтересованного взаимопонимания и с последовательной ориентацией на передачу и прием с перерывами. Вот вопрос о перерывах и об этом очень важен, по крайней мере для исследователей культуры, потому что он нас подводит к еще одному необъясненному вопросу. Начиная с создателей философии истории, с Вольтера и последователей его до Гегеля включительно, мы предполагаем, что история представляет некоторый стадийный процесс (*рисунок*), внутри которого... и, следовательно, это... или барокко, или еще что-нибудь, это окрашено в некоторые единые структурные тона, потом происходит срыв... и [возникает] некоторое другое. На самом же деле, стоит только отвлечься от этой привычной для нас модели, как мы можем заметить, что то, что мы называем каким-нибудь словом, размазано по времени. Не совпадает в разных направлениях человеческих текстообразований, задает разные накладывающиеся синусоиды. Скажем, развитие определенного типа текстообразования в одних видах деятельности, как правило, не совпадает с развитием аналогичного в других типах деятельности. По сути дела, работает механизм, не только механизм унификации, но и механизм разнообразия внутри, что не всегда объяснимо. И тем более необъяснимо, почему в определенные периоды, скажем, культура отождествляет себя с кинематографом или с поэзией, с поисками гомункулуса или с алхимией, с крестовыми походами или еще с чем-то. Вот такая самостроющая модель избирает какую-то одну тенденцию и придает ей значение генерального языка. Вопрос этот повисает в воздухе — почему это так. Это, видимо, связано с необходимостью внутренних диалогов и с тем, что диалоги эти сопровождаются несовпадениями и переходами на прием. Я позволю себе сослаться на очень интересную работу... (*пропуск — конец ленты, 2-я сторона кассеты*) ...Близок к старому положению Руссо¹⁰. Положению о том, что есть язык, особый язык общения грудного ребенка с матерью. И Руссо, че-

⁹ В машинописи здесь еще одно предложение: «Его работы: “Апология Ты” — (вопрос) Бубер».

¹⁰ Ю. М. Лотман высоко оценивал идеи Руссо о происхождении языка, см. их обзор: (Лотман, 1989).

ловец, не требующий измерения его гениальности, и в частности в значении для семиотики, Руссо здесь очень прозорливо указал на очень интересную вещь, что, кстати, Ньюсон¹¹ не учитывает, что не только ребенок переходит на язык матери, но и мать переходит на язык ребенка, что ребенок овладевает системами, ему предъявляемыми в диалоге. Ньюсон ссылается на очень интересные работы, проведенные в Америке, — фотографирование жестов грудных младенцев, — которые при замедленном проектировании оказываются копиями жестологии взрослых людей, что не видно благодаря быстроте жеста и их [младенцев] погруженности в хаотически[й] чисто физиологический жест, но вместе с тем начиная с 4 месяцев уже представляет принятие жестологии матери. Причем ему представляется дело так: всякая, как он полагает, физиологическая активность млекопитающих строится вот такими штуками (*рисунок на доске*) с перерывами, некоторыми пиками и перерывами. Это создает некоторую материальную базу для возможности в этот перерыв сосредоточить внимание на передающей личности.

Здесь, так сказать, совершается передача (*рисунок*), а здесь возможен прием. И это создает механическую основу для диалога. Дальше, как он полагает, мать, разговаривая с ребенком и все время улыбаясь и играя и всячески с ним контактуя (*sic!*), предлагает ему значения для его движений. И он принимает этот язык и начинает уже пользоваться своими движениями как имеющими значение. Но Руссо справедливо указал, что при этом мать отказывается от словесного человеческого языка. Схема общения задана, уже презумпция языка есть. Здесь, между прочим, вот что... о чем когда-то мы говорили с Борисом Андреевичем [Успенским] в связи с полемикой на 5-й школе вокруг проблем фрейдизма, что очень часто в акте социальной коммуникации существует некто, дающий язык, скажем взрослый, который вносит огромный языковой аппарат ребенку, у которого даже еще нет потребности в нем, который получает аппарат до того, как он его может использовать¹². Это в культуре [происходит] неоднократно. Европейская культура получила античный аппарат приблизительно лет на 700 раньше того, как она смогла использовать эту культуру. Да, вероятно, мы вообще до сих пор еще не использовали то, что мы получили где-то, не понять от кого. Но, по крайней мере, происходит такая сильная инвазия, вторжение. И таким образом вводится такой сильный доминирующий язык со своими пустыми клетками в понятиях, которые заполняются чем-то потом, готовой схемой общения.

Но, видимо, для того, чтобы диалог состоялся (*рисунок на доске*), нужно и противоположное, например отказ матери при общении с грудным ребенком от словесного языка и переход на язык восклицаний. Как

¹¹ В машинописи — Льюссон, в скобках вопросительный знак. Вероятно, ошибка — в опубликованной годом позже статье (Лотман, 1983, с. 20) Лотман цитирует исследование Ньюсона: *Newson J. Dialogue and Development // Action, Gesture and Symbol: The Emergence of Language / ed. by A. Lock, L.; N. Y.; San-Francisco, 1978. P. 32—40.*

¹² Имеется в виду статья (Лотман, 1974).

говорил Руссо, язык жестов и улыбок, что создает в общем другой тип общения. Таким образом, мы имеем тенденцию к расхождению и механизмы диалогической связи, которые имеют исключительно большое значение. И по сути дела, каждый текст — это, я бы сказал, застывший диалог, еще только зерно, которое должно прорасти. Как только оно попадает в коммуникативную ситуацию, оно дает диалогическую структуру.

Из всего сказанного еще один вопрос — и я кончаю. Вопрос связан вот с чем. Действительно, при наличии биполярной, я повторяюсь, совершенно не обязательно биполярная минимально. Я говорю не о реальной физиологии, а об абстрактной возможности. И, вероятно, системы имеют... то есть реально они в культуре имеют... тенденцию к бурному возрастанию, но, вероятней всего, по бинарному принципу... вероятно, могут быть сводимы в конечном счете к бинарным оппозициям, хотя, может быть, это вопрос нашего описания... может быть, не знаю. Но вот что важно; в этой системе, как уже я говорил, в самой природе диалога подразумевается заложенность некоторой условной доминанции.

Значит, если (*рисунок*) личность складывается... культурная личность — может быть, эта культурная личность называется итальянский Ренессанс, — складывается из такой системы, то сама себя она определяет по этому (*рисунок*), а это (*рисунок*) она для себя как бы вычеркивает, хотя в реальном механизме это активно. Но это создает при изучении очень большие трудности, особенно для нас, работающих не на живом экспериментальном материале, а на текстах.

Тексты мы получаем пропущенными через эту призму и деформированными в соответствии с языком одной системы. Поэтому нам очень легко предположить, что только это реально и существует. Не случайно, как только мы берем какой-то культурный материал, мы сразу сталкиваемся с тем, что огромное число [текстов] текстом как бы не считается. То, что не переводится на этот язык, канонический для данной эпохи, системы, культуры, жанра, личности — все равно, это разные ступеньки, — то как бы отбрасывается. Хотя в реальном процессе оно работает. Но еще сложнее вот что. Когда мы, уже вооруженные недоверием к той картине, которую дает нам самоописание... мы ведь получаем эпоху, личность, не личность больного, над которым вы можете работать... а, скажем, личность писателя как систему его самооценок, как систему его самовыражения, как сумму создаваемых им текстов, куда входит его модель о себе самом. Мы уже этому не доверяем, знаем, что это только деформированная и сдвинутая истина или часть истины, и нам надо проникнуть сюда (*рисунок на доске*), и вот тут мы оказываемся перед совершенно безвыходным положением, из которого я пока выхода не вижу. У нас нет аппарата для этого. Мы можем описать это (*рисунок*) только в терминах этого (*рисунок*), что неизбежно приводит к перетрансформации и к сдвигу. Вот, когда мы говорим, что та или иная [система]... вот мы говорим, что алхимическая система иррациональна. Что это значит? Это значит, что она не описывается в терминах рациональной философии. Но это отнюдь не значит, что она не

описывается в собственных понятиях. Но мы можем ее описывать только теми средствами, которыми она не описывается, и в результате мы получаем заведомо квадратуру круга.

И вот, огромный класс недискретных, или семантически размазанных (или не знаю, какое тут слово [употребить], потому что мы этот материал почти изучать не можем) вот этих текстов от нашего внимания ускользает, и аппарата пока что у нас нет. Естественно, что, когда мы используем методы, приемлемые для дискретных текстов, у нас и получается то, что все системно. И я думаю, что одна из важнейших задач, то, над чем, может быть, наука сейчас... Может быть, мы, все присутствующие, как-нибудь задумаемся — это аппарат для описания того, что условно можно назвать правополушарным сознанием, или сознанием каких-то семантических пятен. И это вопрос, который, я думаю, сейчас перед нами должен встать в числе наиболее актуальных.

Благодарю за внимание.

[Дискуссия]

Балонов: Юрий Михайлович, вот это... а язык психоанализа?

Лотман: Ага, язык психоанализа? Видите ли, я не могу считать себя специалистом в этой области. Но я полагаю, что это и есть пример того, как материал, который преподносится нам как наиболее диффузный, на самом деле представляет собой продукт суперструктурирования. Вот позвольте, я поясню... Широко работающая культурная модель состоит из, так сказать, конструкций организованного... (*рисунок на доске*), ну вот организованное, значит, где у нас левое?

Балонов: Ну, давайте, та — левое.

Лотман: Ну вот... так сказать, из космоса и хаоса. Что считать первичным? Естественно предположить, что первичен хаос, а космос вторичен. Но в области культуры ведь не так. Культура создает свой хаос. Она нуждается в резерве, поскольку как система динамическая она нуждается в резерве динамики. И как возникает, скажем, для Тацита культурный хаос? Это германцы. Что такое германцы? — это миф об антиримлянах. Кто такие римляне, он знает очень хорошо, он знает их и в их проявлениях, так сказать, и в их тексте, и в их языке, и он создает такой вот анти... такую зеркальную противоположность, которую он называет примитивом, неорганизованностью и стихией.

Двадцатый век... да, это все время так (*рисунок*), сначала это европейцы, а тут Азия или Африка, потом мы на земле (*рисунок на доске*), а это будет за пределами Земли. Или же мы в области сознания, а вот там (*рисунок*) будет подсознание. Мы конструируем свое... по крайней мере я глубоко убежден, что в облике подсознания, созданном Фрейдом, в значительной мере — конструкции двадцатого века. Позвольте — такое очень рискованное и, может быть, для психиатров просто дико звучащее... Но, видите ли, потому что вы читаете тексты, видите экспериментальный материал, а я читаю эти тексты — вижу совпадение с философами, поэтами и многочисленными тенденциями в культуре, которые приходят к тому же. Я не убежден, что здесь все от эксперимен-

тального, научного проникновения в правое полушарие, а не значительная часть от мифа культуры о не-культуре. Позвольте вот такое, почти хулиганское, заявление.

Золян: Не является ли представление о недискретных языках каким-то образом отрицательным проецированием того, что мы знаем о семиотике? Так же как Тацит проецировал на германцев то, что он знал о римлянах?

Лотман: Нет, с этим я бы не хотел согласиться; я думаю что, может быть, это попытка построить семиотику контрастного типа, которая... ну, например... Позвольте маленький пример: в связи с первым докладом сегодня возникает очень интересный вопрос о природе таких вещей, как ритм. И в связи с этим тут есть какие-то вещи, прямо перекликающиеся с материалом первого доклада. Я позволю себе привести пример очень интересный, с Тютчевым. Тютчев был поэт и остряк, известный остролов. Его остроумие было по принципу французского остроумия, состоящего в том, чтобы находить игру слов и понятий. При этом он был поэт и владел метрическими системами, хотя овладел ими не сразу, с большим трудом, это видно по его детским стихам. И в ходе своей поэтической деятельности допускал странные нарушения, о которых до сих пор не можем сказать, произвольны они или произвольны. Но когда у него случился паралич, который был правосторонним, поскольку речь он не потерял, он не потерял способности интересоваться политикой, последними его словами был вопрос — уже после принятия святого причастия — вопрос об успехах экспедиции в Хиве. Он сохранил способность острить, но совершенно утратил чувство метрики, и его стихи показывают, что он не слышал метра, что является нетривиальным, потому что, скажем, сумасшедший Батюшков потерял все, кроме чувства метра... ну а у Тютчева это прямо отбило вместе с его правым полушарием, что само по себе наталкивает на некоторые настолько простые выводы, что их можно не комментировать. Но вот что интересно, что вот такого рода элементарные рассечения (*рисунок на доске*), видимо, не всегда играют роль сегментов и не всегда порождают дискретность, а иногда, как ни странно, порождают противоположное, порождают некоторое представление об изоморфности (*рисунок*) и одинаковости этих кусков. Вот как, скажем, в архаическом мышлении представление, что каждый день, полдень, утро, вечер, полночь, неделя, месяц, год, жизнь, век — это одно и то же. Они, так сказать, полностью изоморфны, и именно потому, что членятся. Время членится не по смыслу, не по таким синтаксическим образованиям, а по автоматически работающему счетчику, [по] такому метроному образуется синтагматика не по системе фразы, а по... при полном убеждении, что год и день — это одно и то же, и это во всех языках отражается в таких метафорах, как «утро дней», «бурных дней моих на пасмурном закате». Мы даже не затрудняемся объяснением этих метафор, настолько для нас естественно предполагать, что час, день, год, жизнь... Мы говорим и «вечер мира» или «сумерки богов», и нам естественно считать, что это одно и то же.

Таким образом, вот такая дискретность порождает совсем не членение, а изоморфизм. Я думаю, что совершенно неправильно было бы [и] наивно предположить, что научное мышление возможно только здесь вот (*рисунок*), если линейные построения толкают к причинно-следственному «до — после», то такие построения (*рисунок*) толкают к не менее важной научной идее изоморфизма, которая в истории науки отнюдь не меньший двигатель. Но между тем, по сути дела, между идеями изоморфизма и идеями причинно-следственными есть некая глубочайшая семиотическая разница. Я думаю, что, как можно построить вот такую, как античные мыслители, науку-мифологию, которая отнюдь не менее наука, чем последекартовская наука, так можно построить и такую науку...

Деглин: Изоморфизм мозга и науки — это не относится, или изоморфизм мозга и культуры в целом, это не относится к такому модусу мышления, Юрий Михайлович?

Лотман: Здесь я могу только... понимаете, здесь мы вступаем в такую область... Естественно, при каждом построении какой-то научной теории всегда возникает вопрос, в какой мере она принадлежит метаязыку создателя. Можно только сказать, что пока я в это верю — в то, что говорю. Ничего другого я сказать сейчас не могу¹³.

¹³ Ввиду важности этой идеи заметим, что, на наш взгляд, Ю.М. Лотман очень скоро даст положительный ответ на вопрос В.Л. Деглина об изоморфизме мозга и культуры, причем выделяя именно изоморфизм механизмов переработки информации: «Мы можем выделить по крайней мере три класса интеллектуальных объектов: естественное сознание человека (отдельной человеческой единицы), текст (во втором значении), культуру как коллективный интеллект. Между всеми этими объектами можно установить структурное и функциональное подобие. В структурном отношении все они будут характеризоваться семиотической неоднородностью. Правое и левое полушария головного мозга человека, разноязычные субтексты текста, принципиальный полиглотизм культуры (минимальной моделью является двуязычие) образуют единую инвариантную модель: интеллектуальное устройство состоит из двух (или более) интегрированных структур, принципиально разным образом моделирующих внележащую реальность... Но именно потому, что образы эти рационально не взаимопереводимы и интеграция их требует напряжения, они представляют важный этап на пути к возникновению асимметрии мозговых полушарий. Аналогична структура и других систем смыслообразования. Инвариантом всех этих систем будет биполярная структура, на одном полюсе которой помещен генератор недискретных текстов, а на другом полюсе — дискретных. На выходе системы эти тексты смешиваются, образуя единый многослойный текст с многообразными внутренними переплетениями взаимно не переводимых кодов. Пропуская через эту систему какой-либо текст, мы получим лавинообразное самовозрастание смыслов. Если подключить к такому устройству блок новых сообщений, которые в соответствии с какими-либо правилами будут признаны “целесообразными”, и запоминающее устройство, призванное сохранить такие сообщения, мы получим инвариантный каркас» (Лотман, 1981б, с. 16). Непонятным представляется другое. К идее об изоморфизме мозга и культуры Лотман пришел еще в 1977 году, причем прямо указывая на научно-популярную статью Деглина: «Мы наблюдаем поразительный изоморфизм между культурой — механизмом коллективного сознания и индивидуальным сознанием. Мы

Список литературы

Золян С. Т. Семантическая структура слова в поэтической речи // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 6. С. 509–520.

Лотман Ю. М. О редукации и развертывании знаковых систем (К проблеме «фрейдизма и семиотической культурологии») // Материалы 1-го Всесоюз. (5-го) симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. С. 100–108.

Лотман Ю. М. Культура как коллективный разум и проблема искусственно-го разума. М., 1977 (Науч. совет по комплекс. пробл. «Кибернетика» АН СССР: Предварит. публ.).

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. [Сб.] 12 : Структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981а. С. 3–7. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 515).

Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Семиотика и информатика / ВИНТИ АН СССР. М., 1981б. Вып. 17. С. 13–17.

Лотман Ю. М. Риторика // Труды по знаковым системам. [Сб.] 12 : Структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981в. С. 8–28 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 515).

[Лотман Ю. М.] От редакции: [О семиотическом подходе к пробл. межтекст. отношений] // Труды по знаковым системам. [Сб.] 15 : Типология культуры. Взаимное воздействие культур. Тарту, 1982. С. 3–9 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 576).

Лотман Ю. М. Асимметрия и диалог // Труды по знаковым системам. [Сб.] 16 : Текст и культура. Тарту, 1983. С. 15–30 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 635).

Лотман Ю. М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. [Сб.] 17 : Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту, 1984. С. 5–23 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 641).

Лотман Ю. М. Слово и язык в культуре Просвещения // Век Просвещения: Россия и Франция : матер. науч. конф. «Вишперовские чтения – 1987» / ред. И. Е. Данилова. М., 1989. С. 6–18.

Лотман Ю. М. Три функции текста // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 11–22.

Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / сост. М. Ю. Лотман. СПб., 2000.

Салупере С. О метаязыке Юрия Лотмана: проблемы, контекст, источники. Тарту, 2017.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

имеем в виду факт принципиальной асимметрии человеческого мозга – семиотическую спецификацию в работе левого и правого полушарий», а в сноске даны источники: «Деглин В. Функциональная асимметрия – уникальная особенность мозга человека // Наука и жизнь. 1975. № 1; Иванов Вяч. Вс. К предистории знаковых систем // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1 (5). Тарту, 1975; он же. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 22–23; Милнер П. Физиологическая психология. М., 1973; Jackson H. On the nature of the duality of the brain, “Selected writings”. Vol. II. London, 1932» (Лотман, 1977; цит. по: Лотман 2000). Вероятно, как вопрос Деглина, так и уклончивый ответ Лотмана связаны с тем, что оба они считали проблему недостаточно проясненной, чтобы выносить ее на публичное обсуждение.

References

Lotman, Yu. M., 1974. On the reduction and deployment of sign systems (On the problem of “Freudianism and Semiotic Cultural Studies”). In: *Materialy 1-go Vsesoyuznogo (5-go) simpoziuma po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* [Materials of the 1st All-Union (5th) Symposium on Secondary Modeling Systems]. Tartu, pp. 100–108 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1977. *Kul'tura kak kollektivnyi razum i problema iskusstvennogo razuma* [Culture as a collective mind and the problem of artificial intelligence]. Moscow (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1981a. Semiotics of culture and the concept of text. *Trudy po znakovym sistemam. 12: Struktura i semiotika khudozhestvennogo teksta (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 515)* [Sign Systems Studies. 12: Structure and semiotics of a literary text (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 515)], pp. 3–7 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1981b. Brain – text – culture – artificial intelligence. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 17. Moscow, pp. 13–17 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1981b. Rhetoric. *Trudy po znakovym sistemam. 12: Struktura i semiotika khudozhestvennogo teksta (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 515)* [Sign Systems Studies. 12: Structure and semiotics of a literary text (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 515)], pp. 8–28 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1982. Editorial: On the semiotic approach to the problem of intertextual relations. *Trudy po znakovym sistemam. 15: Tipologiya kul'tury. Vzaimnoe vozdeistvie kul'tur (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 576)* [Sign Systems Studies. 15: The typology of culture. Mutual impact of cultures (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 576)], pp. 3–9 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1983. Asymmetry and dialogue. *Trudy po znakovym sistemam. 16: Tekst i kul'tura* [Sign Systems Studies. 16: Text and culture]. Tartu, pp. 15–30 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1984. On semiosphere. *Trudy po znakovym sistemam. 17: Struktura dialoga kak printsip raboty semioticheskogo mekhanizma* [Sign Systems Studies. 17: The structure of the dialogue as the principle of the semiotic mechanism]. Tartu, pp. 5–23 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1989. Word and language in the culture of Enlightenment. In: I. E. Danilova, ed. *Vek Prosveshcheniya: Rossiya i Frantsiya: materialy nauchnoi konferentsii “Vipperovskie chteniya – 1987”* [The Age of Enlightenment: Russia and France: proceedings of the scientific conference “Vipper Readings – 1987”]. Moscow, pp. 6–18 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1999. Three text functions. In: Yu. M. Lotman, ed. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, pp. 11–22 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 2000. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [The semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Researches. Notes]. St. Petersburg (in Russ.).

Salupere, S., 2017. *O metazyazyke Yuriya Lotmana: problemy, kontekst, istochniki* [On Yurii Lotman's Metalanguage: Problems, context, and sources]. Tartu (in Russ.).

Zolyan, S. T., 1981. Semantic structure of a word in poetic speech. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 40 (6), pp. 509–520 (in Russ.).

